

УДК 81'37(470.53)

О СВЯЗИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ (фамилия Коноплёв и слово *конопля*)¹

Елена Николаевна Полякова

профессор кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. 32polyakova@mail.ru

По материалам пермских и других русских памятников письменности, говорам, общерусских и региональных словарей лексики и ономастики рассмотрена эволюция апеллятива *конопля*, его диалектных вариантов и однокоренных слов в русском языке, проникновение их в антропонию (некалендарные имена и прозвища), возможности возникновения фамилии Коноплёв в Прикамье. Показаны причины изменений в лексике, зависимость эволюции в языке от изменений в материальной и духовной культуре. Результаты исследования актуальны для истории русского языка и для характеристики лингвокультурного пространства Пермского края.

Ключевые слова: лексика; ономастика; культура; конопля; фамилия Коноплёв.

В Перми снимается телевизионный документальный фильм, посвященный памяти выдающихся деятелей Пермского края с фамилией Коноплёв. Одним из них был почетный гражданин края Борис Всеволодович Коноплёв (1919-2008), более четверти возглавлявший его – с 1963 г. как председатель Пермского облисполкома, а с 1972 по 1988 гг. как первый секретарь Пермского обкома КПСС. Это было время активного роста народного хозяйства края, развития машиностроения, бумажной, калийной промышленности, строительства и пуска новых предприятий, Добрянской ГРЭС, дороги Пермь – Кудымкар, нефтепровода Сургут-Пермь, пермского участка газопровода Уренгой – Помары – Ужгород. Под руководством Б.В.Коноплёва решались актуальные производственные проблемы, вопросы национальной политики края (организация Коми-пермяцкого автономного округа), образования и культуры. И после ухода на пенсию он продолжал активную общественную деятельность.

Другая яркая личность – Василий Коноплёв, нареченный иноческим именем Варлаам, с 1894 г. иеромонах, управляющий новостроящегося мужского миссионерского монастыря на Белой горе (Пермский край), а с 1897 г. его настоятель. Духовный строитель Белогорского монастыря, он сделал очень много и для его реального строительства, возведения Крестовоздвиженского собора и других зданий и служб мона-

стыря. Но не менее сделано им и в миссионерской деятельности монастыря, в утверждении его влияния на духовную жизнь Пермского края. Во время гражданской войны 1918 г. Варлаам был замучен большевиками и брошен в Каму, 34 монаха расстреляны, монастырь разорен и утратил свое значение, а в 1923 г. был закрыт. Возрождение Белогорского монастыря, называемого иногда Уральским Афоном, и его главного храма началось в 1988-89 гг. и успешно продолжается в настоящее время.

Автор сценария и режиссер фильма В.В.Кальпиди обратилась к нам с вопросами о фамилии Коноплёв: каковы ее истоки, когда и каким образом она могла появиться в Прикамье. Не решая конкретной проблемы происхождения рода Б.В.Коноплёва или В.Коноплёва (это задача специалистов по генеалогии), на примере возникновения фамилии возможно рассмотреть некоторые лингвистические вопросы: во-первых, связи в русском языке апеллятивной лексики и имен собственных и, во-вторых, изменение в оценке слов в связи с изменениями в материальной и духовной культуре.

В русской антропонимии присутствуют две близкие фамилии: Коноплёв и Коноплин. Открыв Интернет или различные списки и справочники, можно увидеть, что и та, и другая фамилии распространены в России в настоящее время. Любой говорящий на русском языке без труда

соотнесет эти фамилии с апеллятивом *конопля*. Но следует отметить, что они восходили к разным основам: суффикс -ин (Коноплин) присоединялся к основам на -а /-я (*конопля*), суффикс -ов к основе на -о / -е или согласный звук (Коноплёв). И фамилия Коноплёв могла возникнуть от диалектных слов: либо *коноплё*, либо *конопель*.

Фамилия Коноплёв, на которой мы и останавливаемся далее, отмечается в русских памятниках письменности с начала XVI в.: «Коноплев Дмитрий, еретик, в 1505 г. сожжен в клетке» [Веселовский 1984: 153]. Она зафиксирована в документах XVII в. на разных территориях: «Коноплев Иван – подьячий Приказа книг печатного дела. В 1638 г. имел в Москве двор» [Веселовский 1975: 257]. Коноплевы записаны в вологодских памятниках: Семейко, монастырский служка (1618 г.), Иван Дмитриев сын, посадский человек (1711 г.), Федор (1745 г.), Матфей Андреев сын (1795 г.) [Чайкина 1995: 49]. В Вологде антропоним продолжал жить и в XIX в.: Коноплевы Александра Степановна, купчиха, и мещанка Палагия Гаврилова (1830 г.) [там же].

В исследованных пермских памятниках XVI – начала XVIII в. фамилия Коноплёв нам не встретилась, но в XVIII-XIX вв. фамилия отмечалась в разных частях России, в частности, по соседству с Пермским краем – на Среднем Урале Коноплевы жили в Камышловском, Сухоложском, Карпинском, Ирбитском районах, в Нижнем Тагиле, Екатеринбурге [Мосин 2000: 176].

Русские фамилии – это семейные антропонимы. Вышедшие из родовых именовании, они начали формироваться в XIV в., но первоначально только у бояр. В XVI в. они появляются у служилых людей, у дворян, в XVII в. постепенно распространяются у всего податного населения России. Сферой их закрепления и фиксации в это время был деловой язык, а причиной появления – необходимость учитывать всех жителей, уплачивающих подати. В случае смерти человека его имущество и обязанность платить подати передавались по наследству, учесть же наследование было проще всего по патрониму (именованию по отцу) и по семейному именованию.

Патроним каждого человека был образован от календарного имени его отца: Иванович, Петрович (для боярина) или Иванов сын, Петров сын (для человека другого социального положения). Так как многие календарные имена были очень частотными (например, Иван, Тимофей, Федор и т.д.), они, как и отчества на их основе, мало способствовали идентификации человека. Но в период начала формирования фамилий практически каждый человек имел два имени: календар-

ное (христианское) и некалендарное (Первуша, Некрас, Нос, Заяц, Окунь, Ворон, Осока, Конопля и т.д.). Последние были индивидуальны, и редко в одном населенном пункте жили тезки с одним некалендарным именем. По таким именованиюм легче было выделить человека, чем по частотным календарным именам и отчествам.

В деловой письменности XVII в. сына записывали по имени и с двумя именованями от антропонима отца (от календарного и некалендарного имен отца), например: *Иванко Петров сын Лещ* или *Иванко Петров сын Лещев* (т.е. Иванко – сын Петра Леща). В следующем поколении сын Иванки Андрейка был назван как *Андрейка Иванов сын Лещ* или *Андрейка Иванов сын Лещев*: отчество у него было по отцу (Иванов сын), а второе именование – по деду (Лещ или Лещев). Некалендарное имя деда, оформленное как притяжательное прилагательное (чей? – Лещев), закреплялось в качестве семейного именованя и далее передавалось по наследству. Точно так же из некалендарного имени Коноплё или Конопель (народные варианты имени Конопля) родилось некогда именование по отцу Коноплёв, переходившее далее из поколения в поколение, от отца к сыну, т.е. ставшее фамилией.

Некалендарное имя Конопля встречается, хотя и редко, в исторических источниках. По данным словаря Н.М.Тупикова, вышедшего впервые в 1903 г., в памятниках XVI в. зафиксировано имя Конопля в полной и демунитивной форме с суффиксом -к(а), обычной для делового языка того времени, – Конопелька: «Князь Иван Конопля, 1528 г., Конопелька в княжестве Литовском, ок. 1525 г., Конопелька, Барский мещанин, 1565 г.» [Тупиков 2005: 249].

При составлении словарей пермских имен [СПИ] и пермских фамилий [СПФ] по ранним источникам Прикамья – документам Чердынского, Соликамского, Кунгурского, Осинского уездов, а также вотчин Строгановых, – мы не встретили имени Конопля (или его вариантов), как и образованной от него фамилии, ни в писцовых и переписных книгах XVI-XVII вв., ни в изученных ревизских сказках XVIII в., учитывающих крестьян, ни в каких-либо других деловых пермских текстах всего этого периода, хотя в поле зрения попало более пяти с половиной тысяч фамилий, сформированных преимущественно от некалендарных имен и прозвищ. Видимо, в Пермском крае исследуемая фамилия появилась относительно поздно.

Она могла возникнуть в Прикамье двумя путями. Во-первых, образованная из некалендарного имени Коноплё или Конопель, данного ребен-

ку при рождении, фамилия Коноплёв могла быть принесена переселенцами.

Если в XV-XVII вв. русские переселенцы приходили сюда преимущественно с Русского Севера (об этом свидетельствуют не только исторические документы, но и оттопонимические фамилии новых жителей: Вологжанинов, Двинянин, Каргополов, Мезенцев, Пинягин, Холмогоров и др.), то в XVIII-XIX вв. этот северный поток ослабевает и новые жители активно прибывают отовсюду: из центра, с севера и юга России, из Поволжья и даже из Сибири. В Пермский край переселялись старообрядцы из Заволжья и с Вятки (в ревизских сказках о них пишут: «в расколе»)², здесь появлялись работники рудников и металлургического производства, так как возникает большое количество медеплавильных и железоделательных заводов (к заводам приписывают и приселяют крестьян из разных мест), в бассейне Камы бежали крепостные, особенно на земли, где никогда не было крепостного права и жили государственные крестьяне (на север Пермского края), на Каму приходили «гулящие люди» и т.д. Движение населения в Прикамье приводило к изменению пермской антропонимии, к появлению большого количества принесенных фамилий. Вероятно, именно такой, принесенной была фамилия Коноплёв в районе г. Осы и села Юго-Осокино (ныне Калинино), с территорией которого каждый по-своему связаны и Б.В.Коноплёв и Василий Коноплёв.

Во-вторых, новые фамилии в XVII-XIX вв. возникали непосредственно в Прикамье. И это тоже нельзя не учитывать, рассматривая пермскую фамилию Коноплёв. Причины появления новой фамилии в Пермском крае были разными. Нередко беглые скрывали свои именованья, чтобы их не вернули на старые места, и создавали новые антропонимы. Вместе с тем новые фамилии появлялись и в семьях, проживавших в Прикамье на протяжении десятилетий и даже столетий и имевших фамилии, которые существовали на протяжении долгого времени. Дело в том, что рождалось много детей и семьи очень разрастались. В ревизских сказках XVIII в. достаточно записей, в которых представлено по 4 поколения семьи. У отца несколько сыновей, каждый из них создавал семью и имел сыновей, тоже создававших свои семьи и имевших наследников. Число членов таких семей росло в геометрической прогрессии. В ревизских сказках все они числились за основателем всего этого практически рода и носили одну фамилию.

Но это было не всегда удобно. В быту, чтобы разобраться в сложной системе родства в таких

семьях, люди создавали неофициальные именованья, которые называют обычно *уличными фамилиями*. Эти новые именованья закреплялись за отдельными частями семьи. Например, в семье Петра Большакова по имени его сына Лукьяна всех потомков этого сына называли в живой речи Лукьяновыми, а потомков его брата по прозвищу Голован – Головановыми. Однако в официальной письменности нельзя было отрывать их от главы семьи Большакова, поэтому в ревизских сказках появляются двойные фамилии: одни люди именуется Большаковыми и Лукьяновыми, а другие – Большаковыми и Головановыми, ср.: *Житель Кызеловского рудника Анофрий Никитин сын Никитин и Епишин* (Ч 1: 140), *Деревни Быковы Большой крестьянин Конан Егоров сын Давыдов и Веревкин* (Ч 3: 26), *Чердынской деревни Лекмортова Евдоким Еремиев сын Федоровых и Евдокимов* (Ч 5: 12 об.)³.

Постепенно двойные именованья распались, и у отдельных членов большой семьи (рода) употреблялись уже свои фамилии, которые фиксировались и в официальной письменности: от *Большаков и Лукьянов* или от *Большаков и Голованов* остались только или Большаков, или Лукьянов, или Голованов. Новые фамилии, возникшие в большой семье, были образованы как от календарных имен (Лукьян), так и от индивидуальных прозвищ (Голован – ‘умный человек’ или ‘человек с большой головой’).

Вместе с тем и само прозвище переживало изменения. В деловой письменности Прикамья с XVII в. активно употребляли слово *прозвище* и его синонимы *прозвание*, *назвище* и *название* по отношению к некалендарным именам, ср.: *Крестьянин деревни Кондакова на реке Сылве Евсвийко прозвище Добрыня Козмин сын Рудаков* (Е: 93), *Гулящей члвк Василей а прозванья де ево он Федор не ведает* (КЗСИ: 522 а), *Федор по назвищу Томила Агафонов сын Носов* (ЧМ 2558: 11), *Крестьянин деревни Сюрвы Стенька по назвищу Кошка* (СПИИ, 5: 1529), *Федор Паначев по названию Оса* (КЗСИ: 437).

Это способствовало сближению некалендарных имен и индивидуальных прозвищ. Существовавшие на протяжении многих столетий некалендарные антропонимы людей, ранее воспринимавшиеся как личные имена, данные при рождении и существовавшие наряду с календарными, в XVII в. стали употребляться в бытовой сфере в той же функции, в какой использовались индивидуальные прозвища, появлявшиеся у взрослых людей, например таких, как: *Меркушка прозвищем Малая Земля* (РСЧ 5: 33 об.), *Андрей прозвищем Широкая Лыжа* (КСАУ: 263), *Кун-*

гурец Тимофей **прозванием** Жимолос[т]ной (КСАУ: 184), Села Рождественского десятник Иван **прозванием** Добрая Корова... Ивашка Третьяков он же по **назвицу** Добрая Корова (КЗСИ: 128).

В деловой письменности складываются новые отношения, отражающиеся в антропонимической терминологии: *прямое имя* ('календарное' – *А как тому казаку Мезене прямое имя и чей он словет того расказать не умеет потому что толмача у них нет* (СПИИ 2: 708)) и *прозвище* ('данное при рождении некалендарное имя, а также полученное позднее индивидуальное прозвище'). Это способствовало одинаковому восприятию некалендарных имен и прозвищ и окончательному исчезновению из русской ономастики пласта некалендарных имен. В результате развития антропонимии и утраты в XVIII в. некалендарных имен термин *прозвище* и его синонимы теперь относились уже только к индивидуальным прозвищам, которые появлялись в разные периоды жизни человека и на разных основаниях.

Таким было и прозвище Коноплё или Конопель как база фамилии Коноплёв, образуемой в разных местах в XVIII и даже в XIX в. Оно могло появиться по ассоциации со словом *коноплё*, *конопель* в разных обстоятельствах, которые сейчас восстановить практически невозможно. Но ясно, что прозвище возникло на основе нарицательного существительного.

Итак, в Пермский край фамилию Коноплёв могли принести переселенцы с других территорий, но она могла зародиться и в Прикамье на основе прозвища из слова *коноплё* или *конопель*.

Перейдем от характеристики антропонимов к анализу основы фамилии как слова нарицательного и рассмотрим происхождение, семантику и особенности употребления существительного *конопля* и его вариантов. Но первоначально установим, что представлял собой сам денотат – растение конопля.

О растении существует большая исследовательская литература и описание его в различных энциклопедиях, в частности в Википедии: «Конопля (лат. *Cannabis*) – род однолетних луговолочнистых растений. Посевная конопля описана в «Естественной истории» Плиния Старшего, упоминавшего ее использование как прядильного, пищевого и лекарственного растения... Конопля использовалась в качестве пищи (семена, масло), для изготовления ткани, одежды, обуви, веревок, канатов, ниток и изделий из них (сетей, удилищ), бумаги, а также как наркотическое средство... Конопля впервые описана в Китае

около 2800 г. до н.э., в Россию занесена скифами не позднее V в. н. э. Имела большое промышленное значение с XV по начало XX в., в настоящее время посевы значительно сокращены. Единая Конвенция ООН 1961 г. включает коноплю в список наркосодержащих растений и обязывает правительства стран-участников строго контролировать ее выращивание... СССР ратифицирует Конвенцию ООН «О наркотических средствах»... растение *cannabis* объявлено наряду с героином опасным наркотиком, не имеющим никакой практической ценности, его предписано *всячески уничтожать*» (см. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Cannabis>; обращение 14.08.2010).

Таким образом, в разные периоды истории отношение к конопле было различным.

Этимология слова *конопля* представлена в этимологических словарях [ЭССЯ 10: 188-193; Фасмер 2: 312; Черных 1: 422 и др.]. Названия конопля, известные во всех славянских языках, восходят к праславянскому **konopja* – древнему заимствованию. По поводу его происхождения существуют различные точки зрения, возводящие его и к латинскому, и к греческому, и к финно-угорскому, и к древним восточным языкам (например, к шумерскому, древнеиндийскому), и к другим источникам. Наиболее убедительной представляется точка зрения авторов «Этимологического словаря славянских языков», учитывающих данные древнегреческого историка Геродота (V в. до н.э.), который писал, что конопля – скифское (или фракийское) растение, и отмечал скифскую культурную традицию парной бани с использованием конопляного семени, а также изготовление фракийцами из этого растения одежды, весьма схожей с льняной. Вместе с тем он отмечал, что в Скифии конопля «и произрастает сама по себе, и сеется».

В праславянский язык ее название пришло из скифского языка, из которого оно могло попасть и к фракийцам. Скифский язык относится к индоиранской части индоевропейских языков, и «представляется вполне допустимым говорить о происхождении из индоир. **kana*, достоверно известного в значении 'конопля'» [ЭССЯ 10: 191]. Полагают, что основа **konop-* могла быть результатом контаминации двух корней, следы второго корня, присутствующие в начале названия мужских особей растения *посконь* (пос-), отмечаются в современном финно-угорском коми языке – *пыш (piš)* 'конопля' [Черных 1: 422]. Сопоставляя скифское **kana* с др-инд. *kāna* – 'зерно, семя, крошка', «возможно углубить семантическую реконструкцию, указав, напр. на

то, что конопля (женская) как семенное растение... получила свое название от названия семени в местных индоир. языках Сев. Причерноморья» [ЭССЯ 10: 191].

Итак, из индоир. основы ('семя') через скифский язык название конопли попадает в праславянский и затем в различные славянские языки, в частности в древнерусский.

Вернемся в Прикамье XVII – начала XX в., когда там, как и во всей России, конопля специально выращивалась и использовалась в хозяйстве, о чем свидетельствуют пермские памятники XVII-XVIII вв. Называли ее в текстах документов словом *конопле* (коноплё). В крестьянской усадьбе обязательно был участок под коноплей – *конопляник*: *В тех заемных денгах в вере подписал конопляник повыше погоста*² (ЧМ 2558: 14). Он был огорожен и чаще в памятниках именовался как *огородец-конопляник* или *огород-конопляник*: *Подписал яз Прокопей ему Григорью на Цыдве-погосте огородец-конопляник* (Уд: 244), *В межах... с сиверу по огороду-конопленику* (КМ: 1). Из конопли в Прикамье получали семена, которые использовали для приготовления пищевых продуктов, и волокна для изготовления ткани, пакли, сетей и других предметов: *Всех ево пожитков явилось... полторы осмины семени конопляного да с решето семени льняного* (КЗСИ: 814), *Купити масла коровьяго и конопляного* (Ш 2: 285), *Да они ж воровские люди изрезали холст конопляной 26 аршин* (КЗСИ: 522 а), *Украли лошадь мою кобылу рыжую и с хомутом а у хомута гужи конопляные шлея мочальная* (КЗСИ: 825), *50 шлеи конопленных* (Тамож: 6).

Производство нитей для ткачества было длительным и трудоемким делом, состоявшим из многих операций, о чем тоже свидетельствуют памятники. Полученные в основном из поскони (мужских особей конопли, дающих более длинные волокна, чем женские) и конопли (женских особей) волокна мочили, сушили, мяли, трепали, получали кудель, ее чесали, освобождая от костры, складывали в пасмы, которые измеряли в Прикамье десятками, пряли, собирая в моты (мотки), ткали холст: *В ысподнем жыру⁵ кудели мятой нечищенной и конопля и поскони десятков с двадцать* (КЗСИ: 814), *Три десятка кудели конопляной* (КЗСИ: 1017), *Четыре конца холсту толстого дватцать шесть мотов пряжи конопляной* (КСАУ: 123), *И он Родион... взял из дому моего грабежем... два конца холсту конопляного мерою дватцать восемь аршин... да тридцать десятков конопля трепаного ценою на 10 алтын* (КЗСИ: 786), *Да они ж воровские люди*

изрезали холст конопляной 26 аршин (КЗСИ: 522 а). Семена конопли и приготовленные из растения продукты и вещи в XVI-XVIII вв. были необходимы, их утрата наносила урон хозяйству, поэтому в судебных делах о кражах они подробно описывались и оценивались. Пермские уголовные дела того времени хорошо сохранили для современных исследователей названия конопли и предметов, полученных в результате ее обработки.

О значении конопли в Прикамье свидетельствуют и диалектные данные XX-XXI вв. В карточке словаря северных говоров Пермского края (Чердынский район) говорится об ее обработке и использовании:

- об обработке конопли: *Коноплѣ – это другоё растений. Перво ево мочат, потом мнут. В этом конопле растёт посконь. Посконь-то не мочат. Посконь така серая, когда вымокнет, а коноплѣ белоё. Не так, што шыбко белоё, ну светлоё тако* (Пянтер), *Люди билися с коноплѣм: мели [мяли] его, потом чѣшут, треплют всё, потом прядут* (Дий), *Мялка ишо бруснялка, дак это коноплѣ мнут* (Редикор);

- о приготовлении разных предметов быта из конопли: *Коноплѣ сieli, из него верёвочки делали... Сети плели из конопля* (Редикор), *Из конопля половики делали... Из льну, из конопляны вязала* (Камгорт);

- об использовании ткани из конопли: *Коноплянка – была такая обшивка на мужском пальто, на косых планоцьках* (Цыдва);

- об использовании продуктов из конопли в пищу: *Конопляно сима ели в войну* (Камгорт), *А семя конопляно истолкѣшь в ступе, просеешь решетом* (Петрецово), *Конопляное семя жали, потом ево в тряпку завернёшь, в щѣки зажмѣшь клиньямы, и масло-то конопляно побежит... Когда выжмут, конопляной колубок [колобок] тожо ели* (Редикор).

Большой материал о конопле содержат пермские диалектные словари: *Лѣн сиют и коноплю сияли; Мочишишо, где Волим впадат. Мочили раньше конопель. Сеяли конопель, мочили там; Из конопля дратва шла; Коноплѣ сеяли, ткали да носили; Коноплѣ вкусное* [Акчим 2: 59]; *Ладько скорей бруснялку-ту: надо коноплѣ-то ведь бруснуть*⁶ [СГСРПО: 245]; *Коноплѣ везде растѣт. Из конопля-то масло скусное* [СПГ 1: 412]; *Конопель-то такая живучая: выдирам-выдирам иѣ – всё равно растѣт... Сряжались когда, куфайки худые надевали, маски, коноплѣ приделывали, как борода... Сочни с коноплѣм напекѣшь, угостишь кого-нибудь, это в сочельник... Делали раньше коноплѣ – тут одна бабушка лечила. Да-*

ла мне попить, я тогда вовсе спать не могла. Попила – и легче стало [СРГЮП 1: 428]. В пермских говорах зафиксировано также слово конопль: В старину конопль выращивали [там же]. В Прикамье бытовали разные варианты названия растения (конопля, коноплѣ, конопель и конопль), но существенно преобладало слово коноплѣ, которое отмечается и в народных сравнениях: Народу соберётся – как коноплѣ насаеяно, ждешь, когда скатиться (с горки) [СРГКПО: 125].

При сборе современных материалов для словаря названий географических и сельскохозяйственных угодий [СГТ] в разных районах Пермского края выявлены слова коноплице, конопляник и конопник, называвшие места посева конопли: Где конопель, звали коноплице... В конопляниках раньше коноплю, лен растили, их еще льницей зовут... Конопляник раньше у нас у фермы был, конопля там росла высокая очень... На горе за старой школой конопляники были [СГТ: 164], В конопнике какая-то посконь [СПГ 1: 412].

Таким образом, на протяжении веков в крестьянском хозяйстве Прикамья выращивалась и использовалась в хозяйстве конопля, что представлено в лексике живой народной речи и делового языка памятников письменности и могло быть отражено в пермской ономастике.

Так было и на просторах всей России. Материалы о названиях конопли и ее роли в хозяйстве находим в различных историко-лингвистических словарях. В древнерусских текстах слово конопля встречается с XIII в. [СДЯ 4: 250]. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» зафиксированы слова, называющие само растение и его стебли (конопель, конопи, конопле, конопли), участок для его выращивания (конопленик, конопляник, коноплице, конопляница, конопляничек), ткань из конопли (коноплянина), женщину, прядущую коноплю (коноплянка), прилагательные от названия конопли (конопленный, конопляный, конопный, коноплянишний, конопляничный) [СлРЯ XI-XVII вв. 7: 280-281], материал для конопаченья (конопать), состоящий в основном из конопли. В иллюстрациях к ним из текстов памятников упоминаются конопляное семя, масло, конопляные веревки, посконь для конопаченья, а также называются действия по обработке конопли: Конопле рвати и мочити и мяти [там же]. В «Словаре русского языка XVIII века» отмечаются названия конопать ‘пенька, пакля’ (Конопать лняная или посконная [СлРЯ XVIII в. 10: 138]), конопель, конопле, и конопля – ‘растение конопли’, коноп-

ляник и конопельник ‘место, засеянное коноплей’ [там же].

Интересны рекомендации по использованию конопли в хозяйственных делах в рукописи XVI в. «Книга глаголемая назиратель сиречь уряд домовных детель», опубликованная как «Назиратель» в 1973 г. В разделе «Привод водяной на мельницы какой имать бытии, или где-нибудь» читаем: Трубы глиняные делают воду здоровую, которых толстота, чтобы была на два перста... щели на складыванию, подобает известно негашеною с маслом конопляным смешавши замазывать [Назиратель 1973: 182]; в разделе «Новые рвы как подобает делати» говорится о том, как следует подготавливать плетень: Собрати совершенное и дозрелое семя либо косточки терновые или иных вещей колючих, после того обваляти веревки какие ветчаные в муке жидко с водою уквашенои и тамо во оное тесто конопель или хлопья стараго намешати и веревки на оном семени терновом... обваляти и коноплями обвити маленько дабы семена не опадали и схоронити так до весны. И коли весна и пора придет, тогда выкопати две борозды... и тамо загребсти веревки те всякую в своей борозде сколь долгой похочешь имети плетень [Назиратель 1973: 451-452].

Лексика, связанная с выращиванием и обработкой конопли, зафиксирована в региональных исторических словарях и исследованиях; в цитатах из памятников показано, как использовалась конопля: Снастей всяких судовых конопляных на седм же рублей [Цомакион: 198], И на конопать пенку дать [РИС: 117], Покрала холста ленного и конопленного примером аршин с петдесят [Панин: 63], Взято... с восьми бочек масла каноп[но]ва [Котков 1979: 24].

В прошлом в России конопля выращивалась не только для широкого внутреннего употребления, но изделия из нее шли на экспорт. Изготовленные из нее пакля, веревки, канаты, паруса были особенно важны для кораблестроения, для флота. В Великобритании король Генрих VIII в 1533 г. «издал указ, предписывающий каждому фермеру высевать четверть акра конопли на каждые 6 акров посевной площади... “Конопляный указ” Генриха VIII дважды повторен Елизаветой I – в 1563 и 1593 гг. В XVII в. в связи с налаживанием импорта пеньки из России необходимость в таких указах отпала сама собой» (см. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Cannabis>; обращение 14.08.2010). В «Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса 1618-1619 гг., где присутствует актуальная лексика для общения при

торговле, отмечены слова *penka* (пенька) и *conopla* (конопля) [Ларин 1959: 65].

Замечательным памятником использованию конопли для народного хозяйства являются русские материалы этнографических исследований и диалектных словарей. В них отражены разные способы применения продуктов из конопли, они свидетельствуют о развитии лексики, в основе которой лежат слово конопля и его варианты.

Рассмотрим диалектные материалы по данным «Словаря русских говоров Среднего Урала» [СРГСУ] – территории, близкой Пермскому краю и связанной с ним, а также по данным сводного «Словаря русских народных говоров» [СРНГ]. В них закреплены разные названия растения: конопля, конопеля, коноплѣ, конопль, конополь, конопляна, конопь, конопье, конопя [СРНГ 14: 268; СРГСУ 2: 45]. Для севернорусских говоров основным было слово коноплѣ, оно же характерно для старожильческих говоров Сибири; в южнорусских диалектах наряду со словом конопля отмечаются конопи, конопь, конопя. В XX в. появились слова с суффиксом -к(а) конопка [СРНГ 14: 265], коноплевка: Степан сеёт коноплевку [СРГСУ д: 245].

В живой речи развились новые значения слов, ср.: коноплѣ – ‘моченая пакля’, ‘конопляная пряжа’, ‘вид плетеной рыболовной сети’ [СРНГ 14: 265], ‘участок, засеянный коноплей’: Вот засеяла коноплѣ [СРГСУ 2: 45].

Зафиксированы слова с ласкательными суффиксами -ышк(а), -ушк(о) – конопельшика и конопелушко: Девка сеет. Высеивает коноплю уж решетом... ой присматриваю да приговариваю: Ты расти конопельшика [СРНГ 14: 264], Выходила я на улицу гулять, С конопелушков ворубушка имать [там же].

На основе названия конопли в русских говорах возникло множество однокоренных с ним слов. Так, по-разному называли в говорах стебель конопли – конопелька, коноплина, коноплянка, конопельник, коноплянина, конопляничка [СРНГ 14: 265-267], например: Есть просто конопелька – стебелѣк тогда зовем [СРНГ 14: 265], У льну – льнина, у конопли – коноплина [СРГСУ д: 245], Коноплѣ гектар посеешь... Одна былина, одна былка – коноплина [СРНГ 14: 266].

Участок, засеиваемый коноплей, называли словами конопляник, конопленик, коноплѣ, коноплик, в южных говорах – конопник [СРНГ 14: 267]; место, засеиваемое ею в прошлом, – коноплянице, конопленнице, коноплице: Ноне конопленнице засеяли рожью [СРГСУ 2: 45], На коноплице посадили картошку [СРНГ 14: 266].

Изготовленное из конопли масло, которое играло большую роль в хозяйстве, особенно в северной части России, где не вызревал подсолнечник, называли обычно словосочетанием конопляное масло, но в среднеуральских говорах зафиксировано слово коноплѣс: Приготовиши коноплѣс да наешся... Ну, ещё у нас есть коноплѣс в бутылке и всё [СРГСУ д: 245]. Из семени пекли лепешки – коноплюшки: Помажеш коноплюшку маслом и ешь... Коноплюшки сладки были... ленюшки ели да коноплюшки в войну [СРГСУ д: 245], А в двадцать-то первом году найдѣши коноплюшецку, дак за щастье щитали [там же]. Готовили конопляники ‘пирог из ячменной муки, смешанной пополам с толченым конопляным семенем’ [СРНГ 14: 267].

Процессы обработки обуславливали появление новых слов или значений. Так, появились названия небольших водоемов, где вымачивали коноплю, – коноплѣнице и конопляник: Маленько болотце найдѣши – это коноплѣницѣ, коноплю можили [СРГСУ д: 245], Скажут конопляник, где мочат лён и коноплѣ [СРНГ 14: 266].

Для конопачения построек, речных и морских судов готовили конопать ‘паклю, очески конопляного и льняного волокна’: Конопать в бане лежит, ей будут утыкать шишли [СРГСУ 2: 45], ‘слабоскрученный жгут из пеньки, мочала и т.п. для конопаченья’ [СРНГ 14: 264]. Нити из конопли использовали при изготовлении плетеной рыболовной сети, которая называлась словами коноплѣ: Если были озѣра глубоки, ставили туда коноплѣ [СРГСУ 2: 45], конопель – ‘рыболовная нить’ [СРНГ 14: 264], коноплянка – ‘сеть, связанная из конопляной нити, ссученной вдвое или втрое’ [СРНГ 14: 267].

По всей России конопля шла на изготовление грубого холста – коноплянины, коноплюхи, конопельной ткани: Коноплянина была, поносили всяко [СРГСУ 2: 45], Я кальсоны из коноплюхи носил [там же], Конопельную ткань ткали [СРГСУ д: 245].

В говорах функционировали названия одежды из конопли – коноплянка ‘изделие из конопляной пряжи’, [СРНГ 14: 267], ‘мужская шапка с мягким круглым верхом и высоким меховым околышем’: Коноплянки были без ушей, на мужиках-то сидели баско [там же]; коноплюха; коноплятина [СРНГ 14: 267]; коноплюха: Коноплюху излажу каку-нибудь [СРГСУ 2: 45]; коноплюшка ‘платок из конопляного холста’: Я когда погорела, в коноплюшке осталася [СРГСУ д: 245]. Из конопли готовили обувь – конопляники: ‘лапти из конопляных веревок’ [СРНГ 14: 267].

Список названий, связанных с использованием конопли, можно увеличить, добавив материалы многих региональных диалектных словарей. Однако и так очевидно, что конопля на протяжении многих столетий играла существенную роль в хозяйстве россиян. И отношение к этой культуре было уважительным, что вызывало к жизни появление ласкательно окрашенных слов, например при обращении к любимой женщине, девушке – *конопелинка, конопелюшка, коноплянка*: **Конопелинка** моя, что ты конопелишься? (*конопелиться* – ‘таять от удовольствия; иногда важничать’) [СРНГ 14: 264].

В прозвища чаще, чем нейтральная или ласкательно окрашенная лексика, переходили нарицательные слова с отрицательной коннотацией. Видимо, среди исследуемых слов, связанных с коноплей, отрицательно окрашенных было мало, хотя такое слово и отмечает В.И. Даль: *конопляник* ‘молодой повеса, волокита’. *Волокита*, который прячется в конопле [СРНГ 14: 267]. Употреблялось коллективное прозвище *конопляники*: «Прозвище жителей д. Еретинское (Волг.: У-Куб). *Жили плохо. Там коноплю сеяли* (У.-Куб. д. Бовыкино)» [БСРП: 292]. Уважительное отношение к конопле было причиной того, что в индивидуальные прозвища слово *конопля* (коноплё) попадало редко, потому и фамилия Коноплёв в русских ономастических словарях и списках фамилий в публикациях памятников письменности оказалась тоже относительно редкой.

В середине XX в. произошли изменения в судьбе конопли как культуры, возделываемой и используемой в хозяйстве. Причиной послужило содержание во многих сортах этого растения наркотического вещества – марихуаны. Развитие наркомании и борьба с ней привели к запрету выращивания конопли и уничтожению дикорастущего растения как источника наркотиков. Новое в общественной и социальной жизни привело и к изменениям в бытовании лексики, связанной с этой сельскохозяйственной культурой.

О возможностях конопли как медицинского средства было известно с древности. Конопля применялась знахарями как средство от бессонницы или от эпилептических припадков. Выше мы приводили пермский диалектный текст: *Делали раньше коноплѣ – тут одна бабушка лечила. Дала мне попить, я тогда вовсе спать не могла. Попила и легче стало* [СРГЮП 1: 428]. Конопля использовалась в медицинской практике в Древней Индии и на Ближнем Востоке. В I в. н. э. в своем сочинении «О лекарственных средствах» ее описал служивший военным лекарем

Диоскорид Педаний, ставший личным врачом римского императора Нерона.

В Европе XVII в. коноплю как болеутоляющее средство официально начали использовать военные хирурги Англии, познакомившиеся с ее применением при колонизации Индии.

До середины XX в. конопля как ценная хозяйственная культура активно выращивалась повсюду. В первой половине XX в. правительства ряда стран принимали меры для поощрения производства конопли. Так, в США в 1942 г. был выпущен фильм «Конопля для победы», пропагандирующий ее выращивание [там же]. В СССР в связи с упадком в начале 30-х гг. XX в. в результате раскулачивания крупных коноплеводческих хозяйств принимаются меры по увеличению посевов конопли; в 1934 г. постановлением правительства и ЦК ВКП(б) за посевы конопли на усадебных, приусадебных и пойменных угодьях предоставлялись специальные льготы и преимущества.

Но в XX в. наркотические составляющие конопли стали настолько широко распространяться, что привели к росту наркомании, в борьбе с которой правительства были вынуждены запретить выращивание этого растения и организовать уничтожение дикорастущей конопли. По инициативе США была принята Конвенция ООН «О наркотических средствах», в которой конопля объявлялась опасным наркотиком, не имеющим никакой практической ценности, было предписано ее всячески уничтожать. В 1961 г. СССР ратифицирует эту Конвенцию и в стране начинается активная борьба с выращиванием конопли.

Преследуются и добытчики дикорастущей конопли. В 1987 г. был опубликован роман Чингиза Айтматова «Плаха», в котором рассказано о «гонцах» – молодых людях, направлявшихся в мае, в пору цветения, в прииссыккульские степи за коноплей. Говорится и о тех, кто стоял за «гонцами», и о тех, кто пытался их образумить или боролся с ними. Тогда в нашей художественной литературе впервые была представлена проблема наркомании, и многие читатели были удивлены тем, какую опасность могло представлять обычное растение – конопля.

Сейчас в Интернете, в средствах массовой информации постоянно встречаются сообщения об обнаружении тайных посевов этого растения и их уничтожении, о наказании за его выращивание, хранение, распространение. И в то же время ведутся исследования с целью выведения новых сортов конопли, не содержащих психотропных веществ, но сохраняющих свои другие, ценные качества.

Новая ситуация в использовании конопли привела и к определенным изменениям в лексике. С уходом людей старого поколения, в жизни и работе которого конопля занимала существенное место, в диалектах стали исчезать из активного употребления слова, связанные с ее выращиванием и обработкой, так как уже полвека она под запретом. Об этом свидетельствуют результаты диалектологических экспедиций XXI в.: сельская молодежь уже почти не знает об использовании конопли в хозяйственной жизни.

В то же время появляется новое в лексике части молодого поколения. Так, «Словарь молодежного сленга» фиксирует слово *конопля* в значении ‘марихуана’ и с пометой «нарк.», т.е. ‘в речи наркоманов’ [СМС: 240].

Изменилось толкование слова *конопля* в современных лексикографических изданиях. В словарях первой половины – середины XX в. оно определялось как «однолетнее травянистое растение из семейства тутовых, из стеблей которого добывают волокно, а из семян – масло» [ССРЛЯ 5: 1304]. В словарях XXI столетия, кроме того, упоминается и наркотическая составляющая растения. Так, в однотомном «Большом толковом словаре русского языка» оно определяется как «высокое травянистое растение, из стеблей которого изготавливают пеньку, а из семян добывают масло (из стеблей и листьев некоторых видов получают наркотическое вещество)» [БТСРЯ: 449]. В публикуемом в настоящее время многотомном академическом словаре, отражающем современное состояние, есть слова, во-первых, имеющие пометы как устаревшие и областные (*конопель*, *конопелька*, *конопельный*), во-вторых, связанные с развитием коноплеводства в России в первой половине XX в. (*коноплевод*, *коноплеводный*, *коноплеводство*, *коноплеводческий*, *коноплеуборочный*) [БАСРЯ 8: 359-360]. А в определении слово *конопля*, кроме обычной его характеристики как названия растения «семейства коноплевых, стебли которого идут на изготовление пеньки, а из семян добывают масло», говорится: «Существуют некоторые виды этого растения, из семян которых получают наркотические вещества» [там же]. В этом словаре представлены вехи развития слов тематической группы «Конопля».

Итак, исследование судьбы слова *конопля* его вариантов и образований от них в русской лексике и ономастике по материалам пермских и других памятников письменности, диалектных записей, а также исторических и современных словарей демонстрирует тесную связь культуры и языка, зависимость его функционирования и

развития от изменений в производственной и общественной жизни, в материальной и духовной культуре.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3./2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и гранта РГНФ № 08-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь “Человек”».

² Василий Коноплев первоначально был старообрядцем, затем присоединился к официальному православию и стал послушником Пермского архиерейского дома, в 1893 г. был пострижен в монахи и наречен Варлаамом.

³ Цитаты из памятников даются курсивом, адрес цитаты указан в круглых скобках, описание цитируемых памятников представлено в «Списке пермских источников с условными сокращениями». Знаки препинания в привлеченных к исследованию памятниках не употреблялись и в цитаты не вводятся.

⁴ Погост – поселение с церковью, село.

⁵ Исподний жир – нижнее помещение, нижний этаж.

⁶ *Бруснуть* – обирать ягоды с ветки или колосья со злаковых растений.

Список источников

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып 2. С. 87-146.

КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.) / сост. А. А. Титов. СПб., 1888. 292 с.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Ф. 687. Оп. 1.

КМ – Соликамские столбцы XVII в. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1.

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 5.

СПИИ – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Коробки 2-5.

Тамож – Таможенные выписи Новоусольской таможни на предъявленные в ней товары. Рукопись. РГАДА. Ф. 829. № 1284.

Уд – *Удинцев В.* Чердынские акты XVI-XVIII вв. // *Удинцев В.* История займа. Киев, 1908. С. 233-252.

Ч 1 – Ревизские сказки на крестьян Соликамской и Чердынской округи вотчин В.А.Всеволожского, П.Г.Шаховского, И.А.Лазарева, А.С.Строганова, заводчиков Походяшиных

и других, 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 15. Т. 1.

Ч 3 – то же. Д. 15 б. Т. 3.

Ч 5 – то же. Д. 15 г. Т. 5.

ЧМ – Чердынские свитки XVII-XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Ф. 2558, 2561.

Ш – *Шишонко В.* Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1881. 502 с.

Список литературы

Акчим – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / под ред. Ф.Л.Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003. Вып. 1-5.

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2007. Т.8. 840 с.

БСРП – *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 704 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. Б.А.Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1984. 382 с.

Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVII веков. М.: Наука, 1970. 317 с.

Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л.: ЛГУ, 1959. 423 с.

Мосин А.Г. Уральские фамилии. Материалы для словаря. 1 том. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. 496 с.

Назиратель / под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1973.

Панин – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г.Панин. Новосибирск: Наука, 1991. 181 с.

РИС – Региональный исторический словарь второй половины XVI-XVIII вв. (по памятникам Смоленского края) / отв. ред. Е.Н.Борисова / Смол. пед. ун-т. Смоленск, 2000. 367 с.

СГСРПО – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О.П.Беляева; ред. Е.А.Голушкова / Перм. пед. ин-т. Пермь, 1973. 706 с.

СГТ – *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 420 с.

СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / под ред. Р.И.Аванесова. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 559 с.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII веков. М.: Наука, 1975-2006. Вып. 1-27.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1984-2007. Вып. 1-17.

СМС – *Никитина Т.Г.* Словарь молодежного сленга. 1980-2000 гг. СПб.: «Фолио-Пресс» «Норинт», 2003. 701 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А.Н.Борисовой и К.Н.Прокошевой: в 2 вып. Пермь, 2000-2002.

СПИ – *Полякова Е.Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI-XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 463 с.

СПФ – *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 463 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / ред. И.А.Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 вып. Свердловск; Екатеринбург, 1964-1988.

СРГСУ д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение / под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1996.

СРГЮП – *Подюков И.А. Поздеева С.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2009. 480 с. В печати.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб. Наука, 1965-2008. Вып. 1-41.

Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Языки славянской культуры, 2005. 884 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964-1973.

Цомакион – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / Краснояр. Пед. ин-т. Красноярск, 1971. 581 с.

Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии. Словарь. Вологда: Изд-во «Русь», 1995. 122 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974-2009. Вып. 1-35.

Другие условные сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского
края
Д. – дело
Ед. хр. – единица хранения
Оп. – опись

РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив
древних актов
Ф. – фонд

**ON RELATION BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE
ON THE LEXIS AND ONOMASTICS DATA:
SURNAME *KONOPLEV* AND THE WORD *KONOPLYA* (*CANNABIS*)**

Elena N. Polyakova

**Professor of General and Slavic Linguistics Department
Perm State University**

On the materials of the Perm and other Russian written monuments, dialects, Normative Russian and Regional dictionaries of Lexicon and Onomastics the evolution of the appellative *konoplya* is regarded as well as its dialect variants and the same-root words in the Russian language, their penetration in anthroponymy (non-calendar names and nicknames), prerequisites of development of the surname *Konoplev* in Prikamje are considered. The reasons of lexicon development, determination of evolution in language by the changes in material and spiritual culture are analyzed in the paper. The results of the research are acute and valuable for the history of the Russian language and for the characteristics of the lingo-cultural space of the Permskiy Krai.

Key words: lexis; onomastics; culture; *konoplya*; surname *Konopljev*.